

**ВОПРЕКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНТРОПИИ
(РЕЦ. НА КН. : ПЛАТОНОВ А. «... Я ПРОЖИЛ ЖИЗНЬ» :
ПИСЬМА 1920–1950 ГГ. – М. : АСТРЕЛЬ, 2013. – 685 С.)**

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2014 г.

Аннотация: В рецензии анализируется свод писем, включенных в книгу «...Я прожил жизнь», рассматриваются проблемы сохранения публикации эпистолярного наследия А. Платонова.

Ключевые слова: письма Платонова, эпистолярное наследие.

Abstract: The review analyses a collection of letters included in A. Platonov's book «I've Lived Life»: Letters, 1920–1950 and dwells on the problems of preserving A. Platonov's epistolary heritage.

Key words: Platonov's letters, epistolary heritage.

Письма Андрея Платонова долгие годы находились под спудом запретов, стереотипов и предубеждений. Существовало мнение, что эпистолярное наследие писателя как таковое не существует, почти полностью утрачено.

Оснований для скепсиса хватало: бытовая неустроенность, многочисленные командировки, войны, травля, доносы, аресты друзей, конфискации архивов, злые розыгрыши недоброжелателей, переезды, житейские неурядицы и беды никак не способствовали сбережению «документов личного происхождения».

Трудно составить полный перечень всех невозможных потерь. Вот несколько фактов. Осенью 1941 года семье Платоновых предписали срочно покинуть Москву, а в их квартирку на Тверском бульваре – подселить литераторов и случайных людей, не стеснявшихся растапливать печку «бумажным хламом», оставшимся от хозяев. Уже в другие времена в комнате Г. З. Литвина-Молотова, первого редактора Платонова, собиравшего материалы о пореволюционной юности автора «Чевенгура», случился пожар. Каких точно документов после этих и других драматических происшествий не досчитались историки русской литературы – неизвестно.

Нужно также учитывать, что сам писатель, как правило, не придавал большого значения сбережению корреспонденции по литературно-редакционным, издательским и производственным вопросам. Известны исключения: переписка с М. Горьким, письма «во власть», оставленные без ответа. Но чаще всего в различных ведомствах и учреждениях письма и телеграммы А. Платонова делопроизводители подшивали в папки и сдавали в архивы, сообразуясь

с «наложенными» начальством резолюциями, инструкциями и казенной надобностью.

Поиск этих документов был предпринят лишь в конце 1960-х – начале 1970-х. Чаще всего эта работа велась подвижниками: эпистолярное наследие «неудобного» писателя тогда почти не интересовало редакторов и составителей сборников его произведений, хотя М. А. Платонова, бережно хранившая письма и телеграммы мужа, пыталась обнародовать хоть малую толику из того, чем располагала.

Многим памятна первая подборка платоновских писем, обнародованная с помощью В. В. Васильева в журнале «Волга» (1975, № 9). Предполагалось, что материалы, отобранные М. А. Платоновой для публикации, получат название «Письма о любви и горе», но через цензуру прошел другой, явно «облегченный» вариант: «...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)», когда-то ценимый исследователями биографии и творчества писателя. Правда, позже выяснилось, что, готовя материалы к печати, распорядители авторской воли вынужденно сокращали тексты, в ряде случаев допускали произвольные датировки, печатали как «письма» отрывки из неопубликованных художественных произведений и т. п.

В 1970-е и 1980-е годы работа по выявлению неизвестных платоновских корреспонденций долгие годы велась подспудно, с расчётом на будущее.

Это делалось вопреки исторической энтропии, казавшейся подчас неодолимой. Не секрет, что изучение эпистолярного наследия писателя было затруднено не только цензурными запретами – долгие годы научный подход размывался издательской практикой, повторявшей досадные ошибки и неточности прежних лет.

Надежды увидеть эпистолярное наследие писателя, опубликованным в соответствии с научными

требованиями, окрепли в 2009 году, с началом публикации «Архива А. П. Платонова».

И вот в конце 2013 года в московском издательстве «Астрель» вышел том писем и телеграмм Андрея Платонова.

Состав издания впечатляет. В многостраничную книгу, иллюстрированную автографами и редкими фотографиями, включены письма, телеграммы, записки, выявленные в фондах Института мировой литературы РАН, Российского государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Государственного литературного музея, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Воронежской области, а также в газетах, частных собраниях.

В атмосферу времени, творческую лабораторию и круг общения писателя вводят скрупулёзно составленные комментарии Е. В. Антоновой, М. В. Богомоловой, Н. В. Корниенко, Т. А. Кукушкиной, Е. А. Папковой, Е. А. Рожenceвой, Л. Ю. Суровой, Н. В. Умрюхиной, Е. Д. Шубиной.

В сущности, перед нами – первое систематизированное издание эпистолярия великого писателя. Согласимся с тем, что «письма Платонова – это «органическая часть» его наследия, что это – «замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надёжный первоисточник для понимания платоновского творчества... В письмах перед нами предстает Платонов – поэт и прозаик, Платонов – мелиоратор и инженер, Платонов – политик и историк, Платонов – любящий муж и отец, Платонов – верный друг, Платонов – правдолюбец и верный сын несчастной «вечной Родины». Обладая самостоятельной исторической и художественной ценностью, письма складываются в книгу для чтения – о жизни писателя и биографиях его произведений», – отмечает в обстоятельной и глубокой вступительной статье Н. В. Корниенко.

Со страниц издания перед нами предстаёт и Платонов-газетчик. Открывают том письма 1920 года, опубликованные в губернской «Красной деревне». Ещё раньше, в 1919 году, сотрудничая с газетой «Воронежская беднота», будущий писатель рассматривал письма людей простого звания как бесценное свидетельство эпохи. И прямо говорил об этом редактору. Многие события и факты, памятные ему по работе в газетах, он переосмыслит в художественной прозе.

Жизненный материал, воссозданный в произведениях Платонова, черпался им в период мелиоративных работ, проводимых в Воронежской губернии, в ходе командировок в Ленинград, Тамбов, Поволжье, Туркмению, во время работы корреспондентом на фронтах Великой Отечественной. Своими впечатлениями об увиденном, услышанном и пережитом Платонов делился с женой, «от юности до

гроба» не расставаясь с надеждой, что есть на свете «хоть одна родная душа».

В платоновской повести «Однажды любившие» есть слова в защиту эстетической значимости эпистолярного жанра: «По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их – и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдений людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах».

Сказанное перекликается со многими письмами, вошедшими в книгу. Вот, вернувшись в Воронеж, Платонов-мелиоратор рассказывает одному из московских корреспондентов о своей поездке в Валуйский уезд: «Картина работ чрезвычайно красивая. Хохлы, хохлушки (с бусами на шее, в расшитых сорочках), волы, костры, тачанки – всё это гремит, движется каруселями у плотины, блестит на солнце лопатами, а надо всеми стоит бич – десятник, не дающий задуматься созерцательной украинской нации. Хорошо. Это – фронт, это напор и действительная работа» (Из письма от 22.09.1924).

Но – воспользуемся метафорой писателя – вскоре его начинает «кружить злая судьба». Вот он в Тамбове. Пишет жене: «В тюрьме гораздо легче. Я двое суток (1 и 2 янв<аря>) был один и не сказал ни слова. Хотя, быть может, это подготовка к тому большому страданию, которое меня ожидает в будущем» (Из письма от 4.01.1927). «Поездка моя по уездам была тяжела. В Козлове я ночевал на вокзале. В 4 часа» ночи из 1 класса меня выдворили (стали убирать помещение), и я спал с безработными в III классе. Я узнал много жестокого и нового от безработных. Они приехали с Кавказа и едут в Сибирь. Утром я с ними пил чай, угощая их за свой счёт и слушая их необычайные рассказы. Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя» (Из письма от 13.02.1927).

Находясь в Москве: «Я работаю. Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую независимую воду жизни. Главное – независимую. Очень мне тяжело зависеть от всех случаев» (Из письма от 3.07.1927).

Или (уже после жесткой критики в свой адрес) он пишет из Средневожского края, где проводилась «сплошная коллективизация»: «Весь... день был среди трактористов на колхозной пахоте. Работа совершается героическая и скромная по форме. Был на лугах, смотрел, как колхоз убирает сено. Сейчас вечер, огромная луна восходит над степью... Сегодня один жеребёнок заблудился (отбилась от матери) и жалобно метался между двумя пашущими тракторами: он, видимо, привык, что мать его пашет, и подбегал к плугам» (Из записи на почтовой карточке от 6.08.1930).

«Трое суток мы ехали в метелях, четвертые – в морозе, – неизвестно, что лучше <...>. Понемногу

сдают с тела все четыре члена «экспедиции» (2 чел <овека> + 2 лош <ади>. Вчера стали на ночёвку рано, часа в 3 дня, из-за метели («глушь и снег навстречу мне») – в избушке маленького колхоза. Там сидит семейство и плетёт лапти. Вижу много хорошего народу. Приеду – расскажу» (Из письма от 27.02.1937).

Сходные умонастроения находим и в других письмах.

Несмотря на переменчивость и жестокость «судьбы», неблагоприятные внешние обстоятельства, вечную унизительную нужду, в самые разные годы Платонов верен себе: он последователен в неприятии бюрократического чванства и делячества, не перестает работать, находясь в гуще народной жизни, страдает бедам и несчастьям «обездоленной родины».

Вот одно из выразительных писем военных лет: «По воле обстоятельств я сейчас под Воронежем – тут мы с тобой и Тошей давно когда-то жили на даче. Я ищу возможности ехать дальше, одновременно остановился на два-три дня для работы. Вчера был в Воронеже немного (проехал его на грузовике). У дома, где мы жили, и у дома отца не был. Завтра, наверное, поеду или пойду туда, чтобы посетить

родные места. Вчера мне было очень тяжело. Город стал призраком, как дух, – таким он мне представился. Я даже плакал. Вот какое тут было сражение, родная моя. Как-то ты там поживаешь в одиночестве?

Поцелуй за меня в изголовье могилу нашего святого сына» (Из письма от 28.05.1943).

Значительны и письма конца 1940-х: изнуренный туберкулезом писатель просит отыскать недорогие простым смертным лекарства, напечатать книгу, но еще настойчивее убеждает напечатать статью о страховании крестьянских хозяйств от неурожая. И делает это в годы, когда, несмотря на голод и послевоенную разруху, из сельских тружеников выжимали последнее...

Что ещё добавить к сказанному писателем?

В обнародованных документах откликается душа и сердце великого человека, подлинные, а не придуманные факты его биографии. Письма, оставленные властями без ответа, вновь напоминают о пустотах времени, столь удручающих оттого, что слишком мало было людей, равных Платонову по внутренней независимости, верности писательскому дару, выстраданной любви к Отечеству, бесмертному русскому слову.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков,
теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. Yu., Candidate of Philology, Associate
Professor of Russian Literature of the XX and XXI Centuries,
the Theory of the Literature and Folklore Department
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*